

свѣтлою остановился въ помѣщеніяхъ, отвѣденныхъ прихожанами мѣстной православной церкви. Черезъ два часа послѣ прибытія, епископъ Іона направился въ мѣстную православную церковь. По совершеніи молебствія, преосвященный Іона обратился къ прихожанамъ церкви съ трогательнымъ словомъ, въ которомъ, указавъ на важное значеніе и святость христіанскаго храма, внушалъ слушателямъ имѣть постоянную заботу о его благолѣпіи и твердо охранять святую вѣру на столь отдаленной окраинѣ нашей Имперіи среди иновѣрцевъ. Въ 11 часовъ владыка направился изъ церкви въ отведенное для него помѣщеніе и, переночевавъ, на слѣдующій день рано утромъ отбылъ, вмѣстѣ съ другими сопровождающими его лицами, изъ Нахичевани въ Персію.

Памяти преосвященнаго Михаила, епископа Таврическаго.

19-го августа скончался преосвященный Михаилъ, епископъ Таврическій, и не въ одной только его епархіи, а въ каждомъ уголкѣ Россіи найдутся люди, которые теперь искренно оплакиваютъ его кончину. Каждому изъ нихъ хочется говорить и слышать о немъ, соединиться съ знавшими его въ воспоминаніи о томъ, какая это была свѣтлая личность, какъ всѣ любили и чтили его. Да, покойный былъ не простой человѣкъ. Мы потеряли въ немъ не только іерарха и богослова, а истиннаго епископа, настоящаго духовнаго отца: это былъ яркій свѣтильникъ; для многихъ изъ насъ съ нимъ угасло лучшее, что мы имѣли въ сей жизни.

За что мы любили его? За то, что около него мы становились чище и лучше. Вѣ-

рилъ онъ глубоко и убѣжденно, и вѣра его дѣйствовала неотразимо и на молившихся съ нимъ въ церкви и на его собесѣдниковъ. Его чудная служба въ церкви, гдѣ каждое слово произносилось имъ ясно и внятно, съ теплымъ чувствомъ, глубокою вѣрой, привлекала толпы. Бесѣдовать же съ нимъ, слышать его умную, искренне убѣжденную рѣчь—было истинное счастье. Онъ счумѣлъ, несмотря на свой высокой санъ, не оттолкнуть насъ отъ себя, даже и самыхъ слабыхъ въ вѣрѣ. Преосвященный Михаилъ былъ доступенъ для всякаго. Простой, обходительный, ласковый, онъ глядѣлъ на каждого своими кроткими, карими, проникновенными глазами и, казалось, видѣлъ душу собесѣдника. Каждый находилъ у него доброе слово, умный совѣтъ; а близость его, общеніе съ нимъ приближало душу къ Богу. И не тѣмъ онъ дѣйствовалъ на насъ благотворно, что навязывалъ кому-нибудь вѣру, что желалъ во что бы то ни стало учить. Нѣтъ, еще самъ того не сознавая, человѣкъ начиналъ близъ него чувствовать, что самое существенное проявленіе вѣры—любовь къ людямъ: такая ужъ атмосфера любви, всепрощенія къ людямъ царила около него. Говорилъ онъ просто, тихо, сердечно, и кто имѣлъ счастье бесѣдовать съ нимъ, тотъ всегда уносилъ въ своемъ сердцѣ тихое, теплое чувство: земныя тревоги и заботы уходили куда то-прочъ.

И тѣмъ дѣйствительнѣе былъ его примѣръ, тѣмъ глубже западали его слова, что рядомъ съ горячей, неотразимой вѣрой, рядомъ со смиреніемъ и кроткимъ сердцемъ, съ живымъ интересомъ къ человѣку—онъ соединялъ глубокой, пытливый умъ и солидное образованіе. Несомнѣнно, преосвященный Михаилъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей нашего времени.

Глубокой знатокъ Священнаго Писанія, онъ послѣдніе годы съ любовью и усидчивымъ прилежаніемъ работалъ надъ обширнымъ трудомъ о синхронизмѣ евангельскихъ событій, который долженъ былъ бы

явить его огромную научную эрудицію и проникнутое истинной вѣрой пониманіе духа и смысла Евангелія. Установить точку зрѣнія истиннаго христіанина, согласную съ откровеніемъ Христа, и твердо держаться ея при разсмотрѣніи и уясненіи научныхъ вопросовъ и положеній—это было всегдашнимъ неуклоннымъ стремленіемъ почившаго. Особенно интересовался онъ философій и углублялся въ изслѣдованіе самыхъ отвлеченныхъ вопросовъ. Его кандидатская диссертация написана на тему о философій Гераклита Ефесскаго, а въ магистерской, объ «Истинѣ бытія Божія», онъ, исходя изъ осторожнаго и умѣлаго разбора философскихъ положеній Канта, искусно и смѣло указываетъ и исправляетъ его ошибку. Но его интересъ не ограничивался богословіемъ и философій; всякое движеніе въ любой наукѣ, не противорѣчившее ученію Христа, интересовало и радовало его. Классическая филологія и міеологія, исторія и археологія, физика и математика, фізіологія, медицина, явленія спиритизма и ясновидѣнія—одинаково интересовали его. Во всемъ хотѣлъ онъ быть одинаково освѣдомленнымъ. Но особенною его любовью изъ наукъ пользовалась астрономія. Съ какою радостью углублялся онъ въ изученіе звѣзднаго міра, съ какимъ восторгомъ часами созерцалъ онъ, особенно въ безлунныя великолѣпныя южныя ночи, красоты неба.

Но и жизнь человѣческая привлекала его вниманіе не менѣе законовъ природы и открытій научныхъ. Литературу классическую и современную русскую и иностранную зналъ онъ, какъ немногіе, особенно же любилъ Достоевскаго. Въ литературѣ, какъ въ зеркалѣ, изучалъ онъ живаго человѣка. Проницательный умъ его, вѣрно направленный познаніемъ Бога, обогащенный солидными знаніями по разнообразнымъ отраслямъ наукъ, изощренный самостоятельнымъ философскимъ мышленіемъ и научною работою, всегда подсказывалъ

ему разумное, ясное рѣшеніе по многообразнымъ жизненнымъ вопросамъ.

Въ наше тяжелое время вѣзвѣрія, какъ нужны намъ такіе вѣрующіе, просвѣщенные люди, какъ они освѣщаютъ намъ нашъ темный жизненный путь! Многому научилъ насъ, много, много любви зажегъ въ нашихъ сердцахъ этотъ человѣкъ! Да будетъ ему царствіе небесное!

Леперь.

Изъ журнальныхъ статей.

Въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» напечатаны интересныя воспоминанія нѣкоего Н. О. Могилева, крестьянина села Арефина, Ярославской губерніи, Рыбинскаго уѣзда, о своей жизни въ расколѣ.

Деятилѣтнимъ ребенкомъ, въ сопровожденіи одного странствующаго раскольническаго инока, Могилевъ отправился въ «обитель» о. Павла Прусскаго, знаменитаго въ то время вождя раскола, и прожил здѣсь цѣлыхъ три года. Воспоминанія Могилева, живо рисующія бытъ раскольнической обители, даютъ нѣкоторыя любопытныя подробности для біографіи о. Павла за время его жизни въ расколѣ и, кромѣ того, показываютъ, какими способами и средствами располагаетъ расколъ для подготовленія своихъ мисіонеровъ.

«Отецъ Павелъ, передаетъ Могилевъ, встрѣтилъ насъ ласково и любезно. Это былъ высокій и въ то время еще не старій человѣкъ, съ чисто русскимъ лицомъ, небольшою, но окладистой бородой, строгимъ, хотя и не суровымъ, взглядомъ. Поступь у него была тяжелая или, быть можетъ, казалась такою отъ того, что онъ постоянно, зимою и лѣтомъ, носилъ катаные сапоги, высоко обшитые кожей. Правое